

Н О В Ы Й Г Р А Д

под редакцией

И. Бунакова, Ф. Степуна и Г. Федотова

3

П А Р И Ж

1932

Содержаніе:

К молодежи	3
<i>Ф. Степуи.</i> О человекѣ «Новаго Града»	6
<i>Г. Федотов.</i> Что такое социализм?	21
<i>Прот. С. Булаков.</i> Душа социализма	33
<i>Н. Бердяев.</i> Соціальный кризис культуры	46
<i>Н. Лосскій.</i> Свобода и хозяйственная демократія	54
<i>С. Гессен.</i> Современный кризис и перерожденіе капитализма	60

Идеи и жизнь

<i>Иером. Лев Жилле.</i> Христіанское движеніе против войны ..	72
<i>Б. Ижболдин.</i> Германскіе экономисты о судьбѣ капитализма ..	75
<i>Ф. Степуи.</i> «Третья Россія»	80
<i>Г. Федотов.</i> Война с Востока	83

Книги

<i>Б. Бицилли.</i> Н. Бердяев. Христіанство и классовая борьба. Его-же. Русская религіозная психологія и коммунистическій атеизм. — <i>Н. Лосскій.</i> Б. Вышеславцев. Этика преобразованнаго эроса. — <i>Б. Ижболдин.</i> G. Wiring. Zwischen-europa und die deutsche Zukunft; W. Hoffmann. Süd-ost-Europa. — <i>П. Бицилли.</i> В. Groethuysen. Origines de l'esprit bourgeois en France. — <i>П. Бицилли.</i> А. Fourgeaud. La rationalisation	87
---	----

К молодежи

К вам, к русской молодежи в изгнании, мы обращаемся с призывом.

Положение русской молодежи в эмиграции тяжело, даже трагично. Идут годы, когда силы жизни ищут для себя формы, определяющей все будущее. Человек хочет воплотиться социально. И этих форм, этого воплощения не дано. Мы живем в безплотном мире, где накапливающиеся духовные энергии еще не находят для себя разрешения. В этом источник страданий и тяжелых ошибок.

Два легких пути, в сущности срыва, открываются перед русской молодежью: в Европу и в СССР. Или стать французом, немцем, англичанином, или возвращенцем, комсомольцем, подданным Сталина. И тот и другой путь обещают оформление жизни, окончательную определенность, конец сомнениям. Но и там и здесь — духовная смерть.

Что можно сказать молодому человеку, который, отчаявшись в России и в своем возвращении на родину, хочет стать европейцем до конца. воспринять иное национальное сознание? В сущности, одно. Он отказывается от великой судьбы ради маленького благополучия. Ему, потерявшему русскую глубину, не найти иной, чужой глубины. Он останется пустышкой, носящейся на поверхности чужого моря. Его удил — духовное мещанство.

Но что сказать юному идеалисту, который хочет служить своему народу, разделить его мученическую судьбу — и вернуться в Советскую Россию? Ты хочешь служить России, строить ее промышленность, ее культуру. — Хорошо. Но будь трезвым и посмотри в глаза правды. От тебя потребуют не только технической работы, но и чего-то иного. Потребуется отречение от всего, что еще свято для тебя: от Бога, от отца и матери, от великого русского прошлого, от сострадания и чело-

вѣности. Ты должен предать своих друзей на смерть, отречься от своей совѣсти и замѣнить ее политическим приказом. Ты должен участвовать в истребленіи цѣлых классов, которые стоят поперек дороги новой власти. Если ты можешь стать Иудой и Каином, и на крови и преступленіи строить новую Россію, тогда иди. Но многие ли из юных мечтателей, влюбленных в легенду возрождающейся Россіи, представляют себѣ, что их ожидает в ней?

Есть и иная, болѣе тонкая форма возвращенческаго соблазна: оставаясь в изгнаніи, духовно ассимилируются с СССР. Привѣтствуют творческую энергію ея молодежи, героизм строителей пятилѣтки, стараются усвоить себѣ их душевный строй, их военный настрой, самый язык. К чему? Чтобы завоевать себѣ сейчас их сочувствіе в борьбѣ за національную Россію и легче слиться с их рядами, когда придет время вмѣстѣ с ними эту Россію строить.

В этой установкѣ правильна обращенность к Россіи, стремленіе увидѣть творческія силы в ея хаосѣ и включиться в работу ея возстановленія. Но не облегчайте себѣ этой задачи, не жертвуйте оппортунистически своим лучшим духовным благом ради минутнаго и весьма спорнаго успѣха. Вам нравятся трудовая энергія и дисциплина комсомольца? Но почему вы забываете о том, что он не только строит заводы, но и разрушает храмы; не только помогает на сельских работах, но и беспощадно разстрѣливает крестьян. И вообще — что отчаянная энергія комсомола (12 миллионѣв) направлена, по существу, против народа — против 150 миллионѣв, которые голодом, обезземеленіем, разстрѣлами насильственно загоняются в техническій рай. Что из построеннаго на крови города исключены не только божескія, но и человѣческія цѣнности — состраданія, справедливости, свободы. Вы думаете, так легко отдѣлать форму от содержанія и заполнить сегодняшнюю комсомольскую энергію завтрашним религіозным и національным идеалом? Глубокое заблужденіе. Необходимо перерожденіе самого человѣческаго типа, перестройка всей духовной личности, чтобы комсомолец мог стать строителем христіанской Россіи.

Вы хотите помочь ему в этой духовной перестройкѣ? Так

не подражайте ему, а дайте ему то, чего у него нѣтъ. Ваше назначеніе — русской эмигрантской молодежи — быть дополненіем молодежи внутри-россійской. Хранить, беречь и развѣивать тѣ цѣнности, которыя затлушаются на родинѣ, но без которых нѣтъ человѣческой жизни на землѣ: вѣры, любви, свободы, уваженія к истинѣ, достоинству человѣческой личности. Когда-нибудь и на них будет спрос в Россіи. Не думайте, что сегодняшній день будет длиться вѣчно. Настанет горькое похмелье послѣ кроваваго пира, и Россія, лучшіе сыны ея, истомятся по духовной правдѣ, по новому—т.-е. старому и вѣчному—человѣческому лицу. Неужели тогда вы, вернувшіеся в Россію, покажете матери все ту же безчеловѣчную маску цинизма и жестокости под трехцвѣтным или оранжевым, императорским или фашистским, или — избави, Боже — православным знаменем? Мы привѣствуем волевою активностью, которая движет на героическую борьбу со злом, в образѣ коммунизма придавившем Россію. Боритесь, в борьбѣ ищите остраго оружія, выковывайте новую, цѣлесообразную тактику. Но не угашайте духа.

Организируйте свою духовную личность. Оставленное вам судьбою время употребите на воспитаніе из себя трудовых строителей-граждан — не новых тиранов, а сынов Россіи. Крѣпкіе мускулы, сильная воля— всегда нужны в жизни. Но в Россіи сейчас нѣтъ недостатка в людях воли и мускулов. От в а с ждет Россія — чтобы вы принесли с собой огонь вѣры в мір безбожія, оружіе знанія в страну полузнайства и технически обученнаго варварства и, наконец, уваженіе к свободѣ и достоинству человѣка — в землю рабства и насилія над человѣком.

Если такими вы вернетесь на родину, и с такой вѣрой будете строить Россію, благо вам и ей. Тогда, но только тогда воздвигаемое в ней зданіе будет стѣнами новаго града, а не новой тюрьмы.

Редакція.

О челоуѣкѣ „Новаго Града“

Большинство наших политических споров — так повелось уже с давних пор — все время вертится вокруг программных и тактических вопросов. Отрицать первостепенную важность этих споров я ни в какой мѣрѣ и степени не собираюсь. Я хочу указать лишь на третій, по моему, не менѣ существенный вопрос, над которым всѣ мы думаем гораздо меньше, чѣм он того заслуживает; на вопрос о внутренней сущности того **человѣка**, который будет строить грядущую Россію. Как ни важны наши программные и тактическіе замыслы, их одних все же мало. Одинаковыя программы могут в руках разных людей обернуться совершенно разными результатами. Не подлежит никакому сомнѣнію, что успѣх большевизма объясняется не в послѣднюю очередь тѣм, что при всем своем презрѣніи к отдѣльной челоуѣческой личности, он всегда проявлял очень большую чуткость к проблемѣ пригоднаго для революціи челоуѣческаго матеріала.

Большевизм — это не только программа и тактика, это и полусознательная ставка на вполне опредѣленнаго челоуѣка. Такая же ставка на «своего» челоуѣка характерна и для фашизма, и для націонал-соціализма; но прежде всего, конечно, для католицизма. У современной демократіи такого «своего» челоуѣка, котораго можно было бы по глазам узнать, — нѣтъ. Нѣтъ потому, что она принципиально отрицает связь своей политики с тѣми обликами идей, что оформляют челоуѣческія лица, потому что она не понимает того, что так хорошо понимал знаменитый американскій психолог Джемс, утверждавшій, что для всякой хозяйки, сдающей комнату, гораздо важнѣе **знать** міросозерцаніе своего будущаго жильца, чѣм его бюджет.

Выдвигая во главу угла всѣх политических вопросов вопрос о челоуѣкѣ, я дѣлаю это отнюдь не в этически-педагогическом, толстовском порядкѣ, а по соображеніям гораздо болѣе прак-

тическим. Всматриваясь в политическую, хозяйственную и финансовую жизнь современной Европы, нельзя не видеть, что ее сложность, которая явно будет еще прогрессировать, дошла до таких размѣров, что разобраться в ней простому смертному совершенно невозможно. Рационализированное капиталистическое хозяйство, по всей линии переплетающееся с международной политикой, завязывается на наших глазах в рационально уже не постижимый узел. Этот узел каждый предприниматель и даже каждый обыватель чувствует узлом, затягивающимся у него на шеѣ. Да и как ему не затягиваться, когда в современном, покоящемся на господствѣ личных интересов обществѣ люди перестают понимать, как им лучше всего защитить свои интересы, как надежнѣ всего помѣстить свои сбереженія. Чрезмѣрной сложностью всѣх хозяйственных и финансовых вопросов объясняется, между прочим, и большой психологическій успѣх (особенно в Германіи) экономически несостоятельной теоріей «автаркіи». В автаркическом стремленіи производственно и потребительски окопаться в своей собственной странѣ сказывается безсознательное стремленіе уйти из-под власти и необозримости мировых взаимоотношеній. Что на этом пути механическаго упрощенія неупрощаемаго положенія выхода нѣтъ, об этом говорить не приходится. Гораздо важнѣ потому другой выход, заключающійся в ставкѣ нашего рационалистическаго міра на иррациональную сущность личности. Циммервальдец Лаваль, проводящій націоналистическую политику, Макдональд, возглавляющій кабинет, в который входит консерватор Болдвин, монархист Гинденбург и католик Брюннинг, — все это убѣдительнѣшіе примѣры двуединаго процесса: процесса выдвигенія политически водительствовающей личности на почвѣ распада партій и программ. Думается, что в дальнѣйшем этот процесс будет еще усиливаться. В основу политических образованій будут полагаться не столько рациональныя программы, сколько иррациональное тяготѣніе к опредѣленному человѣческому образу.

Творческій замысел о человѣкѣ завтрашняго дня становится, таким образом, основною задачею всякаго вновь слагающагося политическаго теченія.

То, к чему Запад, сейчас снова приходит, в сущности всегда господствовало в Россіи. Конечно, русскія революціонныя партіи до изступленія спорили о программах; без тщательнаго анализа программных разногласій между с.-р. и с.-д., большевиками и меньшевиками исторіи русской революціи не поймешь. И все же не будет, думается, преувеличеніем сказать, что для русской политической жизни **типология духовных обликов** играет гораздо болѣе существенную роль, чѣм развѣтвленіе программ. Быть может, даже особая острота русско-интеллигентских программных споров тѣм и объясняется, что в них не столько намѣчались совершенно неизбѣжныя в будущем практическія мѣропріятія, сколько закрѣплялись опредѣленныя міросозерцательныя вѣрованія и этическія устремленія.

Если бы русскія оппозиціонныя партіи были озабочены всего только практически неизбѣжными (а тѣм самым и политически возможными) способами борьбы с царской властью, то, право, им не было о чем спорить. Дистанція между самодержавно-православной Россіей и Россіей оппозиціонно-революціонных замыслов оставалась вплоть до войны такой громадной, что всѣм партіям от кадетов до с.-д. было в сущности по пути. Изучая исторію общественных теченій, нельзя не видѣть, что все их исключительное богатство представляет собою по отношенію к практическим задачам государственнаго строительства какую-то излишнюю роскошь, объясняемую прежде всего міросозерцательными исканіями русскаго духа. Для уничтоженія крѣпостнаго права, а в дальнѣйшем для превращенія Россіи в правовое государство русской интеллигенціи не было вовсе необходимо подводить на славянофильскій лад под свою столь естественную любовь к православной деревнѣ заимствованный у Шеллинга историко-философскій фундамент, заканчивать, в стиль Рудиных и Бакуниных, свои студенческіе споры о Гегелѣ и Сен-Симонѣ на европейских баррикадах и в европейских тюрьмах: «ранними челоуѣколюбцами» ходить в народ, скликая его с опасностью для собственной жизни на какое-то социалистическое богомолье; доказывать на путях с.-р. террора, что герой, дѣйствительно, выше толпы, или, увлек-

шись новизною марксистской социологии, выгонять в крестьянской России парниковый пролетариат в качестве незыблемой базы мировой пролетарской революции.

Всё эти сверхполитическія исканія «соціальной правды» кончились не политическим освобожденіем Россіи, а ея закрѣпощеніем церковно-приходскому марксизму Ленина и комсомольской муштрой. Результат по-истинѣ убогій, но одновременно все же и грандіозный: грандіозный, потому что в **криме-вом зеркалѣ** большевицкаго синтеза своеобразно переплелись всѣ главныя теченія русских общественно-политических и міросозерцательных исканій. Так в большевицком сознаниі, которое необходимо, конечно, отличать от коммунистической идеологии, совершенно очевидны черты той **цѣлостности**, т. е., того единства теоріи и практики, той корневой связанности всѣх сфер сознания и областей культуры, что, в качествѣ своей главной мысли, утверждали славянофилы. Но в этом большевицком «славянофильствѣ» не хватает главнаго — той религиозной вѣры в свободу, без которой культурное и политическое осуществленіе цѣлостнаго сознания неизбѣжно превращается в предѣльное насиліе над инакомыслящими. И дѣйствительно, огнем и мечом гонят большевики русскій народ на свою социалистическую Иордань — крестить в новую вѣру.

В самом началѣ была в большевизмѣ заложена также все опредѣленнѣе раскрывающаяся сейчас в Россіи народническая идея социалистическаго мессіанизма. Но и она в большевизмѣ обездушена и изуродована: по миѣнію большевиков, Россія спасет мір не своим исконным **общинным** социализмом, как утопично, но все же понятно учили народники, а пролетарски-чистым марксистским ученіем, что не только не вѣрно, но и не понятно.

Очень сильна в большевизмѣ и злосчастная русская тема бунта: высокая оцѣнка формы разрушенія, как формы творчества. Но и в этой темѣ какой-то непонятный излом. Бакунински-бланкистская «музыка» бунта, которую призывал слушать и Блок, превращена в рационалистически-марксистском ленинизмѣ в какую-то «алгебру» разрушенія. Не в этом ли превращеніи надо искать объясненіе тому, почему коммунистическое

разрушеніе лишено всякаго творчества? Почему все творчество совѣтской Россіи (прежде всего литература) связано не с вѣрой большевизма, а со **страданіем** подъяремной Россіи.

Не избѣг своеобразнаго искаженія, наконец, и сам «научный социализм» Маркса. И из него большевики вынули душу, превратив марксистскую теорію діалекческаго экономизма в практику игнорирующаго всякую экономику панполитизма.

Мертвый узел этого лже-тезиса в живое сѣмя новой русской культуры никакими ухищреніями превратить нельзя. Но разсѣчь его в партійных, комсомольских, пролетарских, а отчасти уже и в обывательски-большевицких сердцах новой красной интеллигенціи — одним ударом — тоже невозможно.

Здѣсь нужна долгая, кропотливая работа над созданіем новаго міросозерцанія, над взращеніем новаго человѣка.

Защищая идею созданія новаго цѣлостнаго міросозерцанія и возвращенія новаго человѣка, часто наталкиваешься на соображеніе, что новыя мысли и новые люди не взращиваются, а растут. Соображеніе это, конечно, совершенно вѣрно. Сѣсть за стол и выдумать новое міросозерцаніе нельзя. Но, вѣдь, этого никто и не старается дѣлать. Защитники мысли, что борьба против большевиков возможна только на путях противопоставленія их міропониманію новой творческой идеи, совсѣм не обязаны чувствовать себя всевластными строителями своих гордых замыслов. Этот путь утопически-разсудочнаго титанизма, которым шли большевики, ни к чему, кромѣ как к страшному развалу жизни, привести не может. Болѣе, чѣм когда-либо, необходимо сейчас воздержаніе на выдумку. Сейчас необходим не быстрый міросозерцательный монтаж из подручнаго матеріала случайно подвернувшихся свѣдѣній и личных переживаній, а внимательное, напряженное, отвѣтственное вслушиваніе во все происходящее в мірѣ и с міром и религіозно-предметное разгадываніе его судеб. Подлинно **цѣлостное** міросозерцаніе нельзя смѣшивать с міросозерцаніем всего только **цѣльным**. Цѣлостность есть религіозная форма цѣльности. В условіях христіанской культуры цѣлостное міросозерцаніе есть потому неизбѣжно міросозерцаніе христіанское.